

УДК 351/354(510)

О.В. СИВИНЦЕВА, ассистент кафедры государственного и муниципального управления

ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, ул. Букирева, 15

Электронный адрес: sivenc8@gmail.com

ИНСТРУМЕНТЫ NPM В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

На современном этапе детерминантой успешного развития государств становится эффективная организация действующих институтов. Именно поэтому политическое руководство сосредоточено на выборе такой модели государственного управления, которая бы максимально отвечала запросам общества. Будет ли эта модель воспроизводить прошлый опыт, те или иные теоретические концепции или импортироваться из практики государственного управления другого государства, решается на самом высоком уровне, но

не всегда результат приводит к ожидаемым последствиям. В этом смысле современный Китай не является примером полностью «закрытого» государства, в некоторых случаях селективно заимствует наиболее оптимальные институты, способные благоприятно адаптироваться к институциональной среде страны. В области административного реформирования это претендующие на глобальный статус инструменты концепции нового государственного менеджмента (new public management – NPM). Эта концепция апеллирует к управлению государством на основании рыночных инструментов, среди которых простота форм управления, вовлечение общественного сектора в управление государственными делами, управление по результатам, клиентоориентированность, передача государственных функций частным организациям на контрактной основе, децентрализация управления, конкуренция между поставщиками услуг.

Проблема трансформации (перерождения) заимствуемых инструментов представляется актуальной не только для Китая, но и для большинства государств, использующих те или иные механизмы из управленческой практики других стран. В такой ситуации встает вопрос о характере институциональной среды принимающего государства, ее соответствии импортируемым институтам и нейтрализации негативных проявлений институционального

В статье исследуется характер воздействия институциональной среды Китая на импортируемые государством западные механизмы государственного управления в рамках концепции нового государственного менеджмента. Рассматриваются культурные, управленческие и экономические компоненты институциональной среды, а также специфика административных реформ в Китае, проводимых с учетом национальных особенностей и институциональных ограничений.

Ключевые слова: административные реформы; новый государственный менеджмент; институциональная среда; гражданское общество; патернализм; квазирыночная экономика; программно-целевое управление; государственные закупки; градуализм

контекста. Успешная адаптация инструментов NPM в странах Запада, прежде всего англосаксонских, во многом определялась соответствующей институциональной средой, а именно ее культурными, управленческими и экономическими компонентами. В зависимости от традиций и ценностей политической культуры, степени зрелости институтов гражданского общества, слаженности работы и ответственности бюрократического аппарата, конкурентоспособности коммерческого сектора формируется институциональная среда, благоприятствующая либо отвергающая импортируемые элементы. Каков характер институциональной среды современного Китая, какие инструменты NPM импортируются и как они адаптируются к его институциональной среде – предстоит определить в этой статье. Возможность сочетания в Китае авторитарного стиля управления и тенденций к реализации модели «открытого государства и открытого общества», которая заложена в основе концепции NPM, не могут не представлять интерес для научного сообщества.

При анализе институциональной среды Китая было выявлено, что она принципиально отличается от западной. Что касается ее культурных особенностей, то при импортировании рыночных механизмов в систему государственного управления наибольшую значимость имеют восточные ценности и традиции, а также специфика концепта гражданского общества в КНР. Если Запад акцентирует внимание на ценностях индивидуализма, личного совершенствования, частной собственности, закона, свободного развития в децентрализованном государстве, то на Востоке доминирующими являются ценности коллективизма, преемственности традиций, государственной собственности, стабильности и в большей степени централизованного государства. Значительная часть этих ценностей в Китае формируется из конфуцианских этических норм, к которым, несмотря на попытку их нейтрализации в эпоху Культурной революции, обращается современное политическое руководство Китая как к духовной основе проведения всесторонней модернизации. Практически весь пласт китайской идеологии в настоящий момент выстраивается если не на прямой апелляции к конфуцианству, то на констатации необходимости сохранения духовного достояния. Достаточно упомянуть «социализм с китайской спецификой», в рамках которого выдвинута идея «построения социалистической духовной цивилизации»; концепцию трех представительств, одним из компонентов которой является передовая китайская культура; конфуцианское понятие «сяокан» как модель построения «среднезажиточного общества»; воплощение конфуцианского принципа дэ (добродетельное управление) в составляющих идеологическую основу КНР идеях Мао Цзэдуна и теории Дэна Сяопина, а также получившую свое развитие около года назад идею о чжунго мэнь (китайской мечте) нового политического руководства Китая и культивируемое с ее помощью «возрождение китайской нации» [14]. Инкорпорирование китайских культурных ценностей в стратегию развития государства является залогом социальной стабильности в Китае, упрочивает позиции Коммунистической партии (КПК), обуславливает необходимость учета национальной специфики при проведении реформ. Кроме того, в конфуцианстве заложена способность к трансформации ее

основных принципов в соответствии с требованиями времени, что нашло выражение в постконфуцианстве, синтезирующем китайскую и западную философию [16].

Ценностная составляющая имеет прямое отношение к специфике развития гражданского общества в Китае. Зачастую отношения между государством и обществом выстраиваются таким образом, что с точки зрения западных стандартов считается нарушением прав и свобод человека [3, с. 122]. Западное понимание гражданского общества как двоякого рода автономии (от органов государственной власти, а также от фирмы и семьи) [19, с. 16] не применимо к китайской специфике, основу которой составляет тесное сотрудничество между общественными организациями и государством, определяемое понятиями патрон-клиентских, корпоративных или симбиотических отношений.

Преобразования в экономической сфере явились точкой отсчета феноменального роста гражданских групп в Китае, особенно предпринимательских, профессиональных и академических ассоциаций. К концу 2012 г. в КНР насчитывалось 499 тыс. общественных организаций, что на 8,1% выше, чем в предыдущем году, с охватом около 613 млн 300 тыс. граждан Китая, что на 2,3% превышает показатели 2011 г. [11] При этом, как сообщает директор Бюро по работе с неправительственными организациями КНР Ван Цзянцзюн, количество незарегистрированных организаций или зарегистрированных в качестве коммерческих, но представляющих общественный сектор, составляет около 1 млн [31].

Причиной значительного количества нелегальных организаций в Китае является жесткий политический контроль. С одной стороны, он проявляется в наличии широкого объема формальных правил, необходимых при регистрации. В соответствии с Правилами регистрации общественных организаций в Китае 1998 г. [20] в одной сфере деятельности может быть зарегистрирована только одна общественная организация. Кроме того, регистрация предусматривает строго определенное количество участников, соответствующий объем финансирования, наличие доступного помещения и другие достаточно жесткие условия. Таким образом устанавливается монополия одной общественной организации в определенной области. С другой стороны, одним из проявлений политического контроля является практика «двойного наблюдения». Во-первых, организации необходимо самостоятельно заручиться поддержкой государственной структуры (государственного департамента / агентства или официально зарегистрированной общественной организации), которая являлась бы контролирующим органом и несла политическую ответственность за ее деятельность и финансовое обеспечение. Во-вторых, общественная организация должна быть зарегистрирована в департаментах по гражданским делам (подразделениях Министерства гражданской администрации) различных уровней. Жесткий характер политического контроля над общественными организациями объясняется стремлением КПК обеспечить как собственное пребывание у власти, так и политическую стабильность, которая является непременным условием гарантированного экономического развития. Первостепенность для китайских граждан надличностных ценностей, сформировавшихся еще в эпоху Конфуция, в виде независимого стабильного государства

и даже некоторой аполитичности населения во многом определяют современное положение некоммерческих организаций.

Еще одной формой взаимодействия между государством и обществом в рамках китайской социалистической демократии является многопартийное сотрудничество и демократические консультации, реализуемые в рамках Единого фронта, представленного таким институтом, как Народный политический консультативный совет (НПКСК), возглавляемый КПК. Помимо КПК, Единый фронт состоит из 8 малых демократических партий и крупной общественной организации Всекитайской федерации промышленности и коммерции. В официальных документах НПКСК [17; 18] и средствах массовой информации [22; 23] подчеркивается его основная консультативная функция. Стоит согласиться с Е Чи Пинем, который заявляет, что «если ВСНП (Всекитайское собрание народных представителей – высший орган государственной власти по Конституции КНР. – *О.С.*) «легализует» решения, принятые КПК, то НПКСК как квазиправительственный и квазигражданский орган не обладает институциональной властью для принятия решений» [35]. Однако для демократических акторов НПКСК служит единственной возможностью принять участие в политическом процессе.

С начала 2000-х гг. на каждом из съездов КПК Китая фигурируют призывы к демократизации, однако они в значительной степени отличаются от западного контекста. По точному определению китайского эксперта Ван Мина, китайская демократизация сводится к «обеспечению свободы выражения дифференцированных позиций внутри КПК в соответствии с наличием групп интересов в обществе» [10, с. 15-16]. Это обеспечивается путем воплощения в жизнь принципа демократического централизма, оставляющего за КПК право принятия и реализации основных политических решений. Тем не менее за последние годы удалось добиться результатов в демократизации на низовом уровне (в деревне), экспериментальной адаптации процедур совещательной демократии (в провинциях Чжэцзян и Сычуань), расширении процедур демократических консультаций и многопартийного сотрудничества, увеличения численности и объемов работы общественных организаций в деле предоставления социальных услуг, а также включения в Конституцию КНР в 2004 г. положения о правах человека и защите частной собственности [8]. Предполагается, что дальнейшее развитие специфического гражданского общества в Китае будет сохраняться при наличии баланса между партийным политическим контролем и постепенной демократизацией не политической, а общественной жизни, что в еще большей степени увеличит возможности интеграции государственных и общественных институтов.

По мнению российских экспертов Д.Г. Красильникова и Е.А. Троицкой, «важным элементом концепции нового государственного менеджмента является отношение к государству как к служащему», но «при условии, что общество жестко спрашивает с государства за качество его услуг» [9, с. 159]. В настоящий момент, несмотря на значительное количество организаций некоммерческого сектора и общие тенденции к демократизации, население играет пассивную роль в политическом процессе в силу как сложившихся традиций, так и существующего политического строя, отводящего крайне узкие рамки

для политического участия граждан. Китайское общество не представляет консолидированную силу, способную предъявлять жесткие требования к государству. Вместе с тем общественный сектор, контролируемый государством, вполне можно расценивать как способный взять на себя вопросы социального обеспечения населения.

Что касается другого компонента институциональной среды Китая, а именно бюрократического аппарата, то он претерпевает серьезное воздействие «китайского номенклатурного бэкграунда», основанного на патернализме государственного аппарата и отсутствии дихотомии между политиками и чиновниками.

Указанные негативные проявления внутри бюрократического аппарата политическое руководство Китая пыталось преодолеть. Важнейшим компонентом проводимых преобразований является совершенствование системы государственной службы в целях выстраивания квалифицированного профессионального бюрократического аппарата. В связи с этим система номенклатур, несмотря на то, что некоторые исследователи [30, с. 213; 28, с. 4; 26, с. 7] до сих пор определяют ее именно таким образом, претерпела значительные трансформации. И если до 1978 г. назначение руководящих кадров, их поощрение, ротация и выход в отставку были по большей части основаны на политических критериях, то во времена Дэна Сяопина были введены такие показатели, как образование, омоложение, профессионализм и «лояльность к текущим реформам» [15, с. 12-16].

Процесс институционализации государственной службы в Китае можно считать завершенным только в 2005 г. с принятием Постоянным комитетом ВСНП Закона о государственных служащих [33], заменившим действовавшее до этого Временное положение. Такого рода практика в очередной раз подтвердила верность китайского руководства стратегии градуализма и экспериментирования. Так, действовавший ранее промежуточный институт показал свою практическую эффективность, в результате чего путем внесения некоторых поправок был заменен на постоянный институт. В Законе о государственных служащих значительное место отведено борьбе со злоупотреблениями и коррупцией, в особенности при назначении на должности, ротации и проведении конкурса на замещение тех или иных должностей. В качестве меры, обязывающей государственных служащих серьезно относиться к занимаемой должности, предусмотрена правовая ответственность с соответствующими видами наказаний, в том числе и уголовными. Для обеспечения этих же целей в Законе предусмотрен целый комплекс запретов, а именно: запрет на увольнение в тот момент времени, когда в учреждении проводится проверка; запрет занимать должности чиновников лицам, имевшим уголовную судимость; запрет на вознаграждение за работу по совместительству; запрет в течение 2-х лет (руководящие должности в течение 3-х лет) после увольнения работать в частных предприятиях, непосредственно связанных с их деятельностью на государственной службе.

В целом очевидна тенденция к унификации, повышению степени упорядоченности, антикоррупционной направленности, регламентации, что характеризует систему государственной службы КНР как технически подкованный

механизм, находящийся под полным контролем партии. Несмотря на все положительные моменты, к сожалению, в Законе крайне слабо урегулированы вопросы, связанные с высшими руководящими постами, что свидетельствует о сохранении «номенклатурного бэкграунда» на высшем уровне. Кроме того, в нем не содержатся требования ежегодно сообщать сведения о собственных доходах и доходах своей семьи, что открывает возможности для должностных злоупотреблений.

Несмотря на все меры по повышению профессионализма кадрового состава государственных служащих, озабоченность вызывает широкий комплекс привилегий, закрепленных за бюрократами Китая. Итогом этого является коррупция, которая наиболее ярко проявляется во взяточничестве и «присвоении» государственной собственности. В соответствии с рейтингом стран по уровню восприятия коррупции в 2012 г. из 182 стран мира Китай занимает 75-е место, незначительно опережая Гамбию, Лесото, Вануату и уступая Тунису, Бразилии и Самоа [13].

Несмотря на проведенные в последние годы реформы в области государственной службы и ее институционализацию, китайскую бюрократию сложно назвать рациональной. Специфику бюрократического аппарата Китая до сих пор продолжают составлять принцип партийного назначения на наиболее ответственные посты, практика «сиденья на двух стульях» – партийном и административном, широкий комплекс привилегий, размах коррупции, проверка идеологического соответствия поступающего на службу, а также практически полное отсутствие нисходящей ответственности. В условиях трансплантации инструментов НРМ государственный аппарат Китая не представляет собой слаженно действующего, клиентоориентированного механизма в силу наличия широких сетей неформальных связей и ответственности только перед вышестоящим начальством.

Наконец, экономическая составляющая институциональной среды определяется квазирыночной экономикой с преобладающей долей государственного сектора. На современном этапе экономическую систему КНР в отличие от западной рыночной экономики и плановой экономики социалистических государств можно определить как «социалистическую рыночную экономику». Если государства с жесткой плановой экономикой лишены возможности для передачи государственных функций в коммерческий сектор, то страны Запада, ставшие родоначальниками проникновения рыночных механизмов в сферу государственного управления, демонстрируют наличие благоприятных для этого условий, одним из которых является стабильный рынок. Китай с его «двухколейным подходом», подразумевающим строительство рыночной экономики параллельно с плановой и сохранение контроля государства над основными отраслями народного хозяйства, занимает промежуточную позицию. Такие виды собственности, как государственная, коллективная, акционерная, предусматривают серьезную долю государственного участия и составляют около 80% в Китае [7, с. 45].

Предполагается, что вопреки заявлениям глав китайских предприятий о дальнейшем расширении госсектора [4] это никак не повлияет на дальнейшее развитие рынка в силу того, что государственные предприятия уже давно стали

одним из основных «игроков» «социалистической рыночной экономики» в Китае. Уже с начала 1990-х гг. был дан старт их преобразованию в корпорации, существующие в условиях высокой конкуренции и рынка. Именно тогда в Конституцию КНР была внесена поправка, заменившая «управление государственной собственностью» на ее «владение» [8]. В это же время принимается Закон о компаниях [12] и реализуется курс на «сохранение в руках государства крупных предприятий и автономию мелких» (чжун да фан сяо – «удерживай крупное, отпускай мелкое», за рубежом стратегия получила название Encounter – «состязание»). Как поясняет информационное агентство China.com, такой курс был взят на вооружение, поскольку «невозможно добиться экономической выгоды при наличии убыточных государственных предприятий» [1]. Именно этой стратегии при формировании «социалистической рыночной экономики» КНР придерживается до сих пор, рассматривая государственные предприятия как составную часть китайского рынка. При этом, как указывает Хуан Дингуй, «стимулируя хозяйственную инициативу на микроуровне, руководство страны не выпускает из рук макроконтроль над экономикой» [6].

В связи с существующей ситуацией невозможно говорить о наличии частного сектора, способного взять на себя широкий объем социальных услуг населению. Кроме того, с учетом политического строя в стране в ближайшее время КПК вряд ли согласится передать большую часть своих полномочий представителям бизнеса. Однако в реализацию государственных услуг активно включены коммерческие организации государственного сектора, обладающие в настоящий момент гораздо большей степенью автономии, чем при плановой экономике, и полуправительственные некоммерческие организации.

Обращаясь к инструментам NPM в Китае, отметим, что им был дан старт в начале 80-х гг. XX в. вслед за рыночными преобразованиями в экономической сфере. Именно бурное развитие экономики способствовало осознанию политическим руководством Китая необходимости трансформации политической сферы при сохранении своего рода стержня общественно-политической жизни страны в виде КПК. Первоочередной в ходе китайских административных реформ стала количественная и качественная реструктуризация исполнительных органов государства. И если первый этап подобных преобразований датируется 1982 г. и связан с разграничением функций правительственных и партийных ведомств, центральных и местных органов, а также правительства и предприятий, то последней значимой датой в этом процессе является 2013 г., когда был принят проект реформы Государственного совета [5], в соответствии с которым количество его ведомств сокращено до 25 (в 1982 г. их было 100, в 2008 г. – 27) [2]. Несмотря на позитивную динамику упрощения управленческой структуры, очевидно дублирование функций партийных и правительственных ведомств с целью обеспечения контроля КПК за принятием наиболее значимых решений органами исполнительной власти.

Далее последовало сокращение количества государственных служащих, внедрение оценочных показателей их работы, оплаты труда чиновников в соответствии с достигнутыми результатами. С утверждением Постоянным комитетом ВСНП в 2005 г. Закона о государственной службе [33] были введены обыденные и периодические (ежегодные) проверки государственных

служащих, в соответствии с которыми чиновники оцениваются по четырехбалльной шкале: «отлично», «компетентен», «в целом компетентен» и «не компетентен». На сегодняшний день комиссия по оценке государственных служащих состоит из тех же самых чиновников различного уровня. Отсутствие независимых экспертов в качестве представителей формирующегося гражданского общества Китая характеризует существующую систему как не вполне объективную. К недостаткам следует добавить низкую степень материального стимулирования государственных служащих, которая состоит из основной заработной платы, субсидий, пособий и бонусов. Однако последние, напрямую связанные с результативностью работы чиновников, составляют «не более 5% их заработной платы в целом» [24, с. 226]. В этом смысле стимулирование карьерного роста вряд ли сможет оказаться реальной причиной качественного достижения поставленных целей. Тем не менее широкий комплекс привилегий, которыми обладают государственные служащие Китая вне зависимости от результатов их деятельности, формирует их отношение к занимаемой должности как к праву и особой привилегии получать от нее доход.

Кроме того, в систему государственного управления Китая были адаптированы институты программно-целевого управления, передача части государственных полномочий автономным организациям, механизмы государственных закупок и аутсорсинга, а также повышение качества государственных услуг на основании соответствующих стандартов. Заметным шагом вперед в сфере программно-целевого управления как одного из импортируемых механизмов явилась разработка институционализированной методологии по мониторингу и оценке достижения будущих планов, получившей название M&E (Monitoring & Evaluation) [29], которая реализуется начиная с 11-го пятилетнего плана КНР. Однако до сих пор наиболее серьезными проблемами остаются обеспечение координации между различными государственными ведомствами (Государственным комитетом по развитию и реформам и Министерством финансов) и региональными правительствами и отсутствие согласованности между действующим пятилетним планом стратегического развития и государственным бюджетом.

Что касается передачи части государственных полномочий автономным организациям, то в Китае, особенно в последние годы, этот механизм активно реализуется с помощью системы негосударственных организаций, ассоциаций, учреждений, фондов и общественных объединений. В ближайшем будущем не исключено длительное сотрудничество административных ведомств и общественных организаций различных организационных форм и степеней автономии. Включенность частного сектора в этот процесс носит ограниченный характер, определяемый спецификой экономической институциональной среды Китая.

Далеко не последнее место в сокращении транзакционных издержек путем привлечения менее затратной рабочей силы и использования высокотехнологичного производства занимает механизм государственных закупок. В Китае комплексное предложение товаров и услуг осложняется тем, что явное преимущество отдается подрядчикам, в роли которых выступают крупные

государственные предприятия. Другая проблема связана с предоставлением значительных преференций внутренним поставщикам. Импортные товары могут быть закуплены, но только в исключительных случаях, когда стоимость их внутреннего эквивалента на 20% превышает предоставляемые зарубежными компаниями [34].

Важность еще одного импортируемого элемента в целях повышения качества государственных услуг осознается политическим руководством Китая. Речь идет о стандартизации государственных услуг, которая претерпевает воздействие крайне децентрализованной финансовой системы в КНР. В ходе перехода к «полурыночной экономике» государством были предприняты серьезные усилия по передаче на местный уровень полной ответственности по реализации государственных услуг и их финансированию. Чрезмерная децентрализация расходных обязательств стала результатом недостаточного финансирования и обеспечения основных государственных услуг, особенно во многих сельских населенных пунктах. Более того, отсутствие механизмов для обеспечения хотя бы минимума стандартов государственных услуг провоцирует рост регионального неравенства в стране. В 2012 году был принят Первый национальный план по реализации государственных услуг, который предусматривает достижение относительного равенства в предоставлении услуг к 2020 г. путем создания соответствующих стандартов [21]. Это в очередной раз свидетельствует о понимании руководством страны существующих проблем и необходимости их решения.

Все эти инструменты NPM, импортированные из западной практики, не были заимствованы в «чистом виде», каждый из них столкнулся с определенным комплексом ограничений и национальных особенностей в рамках китайской системы государственного управления:

1) в ходе реструктуризации исполнительных органов политическое руководство Китая, преследовавшее в качестве одной из целей исключение дублирования функций партийных и государственных ведомств, столкнулось с издавна сложившейся проблемой отсутствия политико-административной дихотомии в государственном управлении;

2) государственная служба характеризуется высокой степенью патернализма и идеологизации, что осложняет объективную оценку деятельности чиновников;

3) программно-целевое управление претерпевает воздействие пятилетних планов, в которых отсутствует четкая координация бюджетного финансирования и преследуемых целей;

4) общественные организации не являются в достаточной мере автономными в связи с высокой степенью государственного контроля;

5) преференциальный режим для отдельных поставщиков не допускает свободную конкуренцию как между западными и китайскими компаниями, так и внутри страны, но обеспечивает стабильное существование внутренних производителей товаров и услуг;

6) повышению качества государственных услуг препятствует отсутствие соответствующих государственных стандартов, вызванное излишней децентрализацией финансовой системы.

Кроме того, при реализации административных реформ серьезные воздействия оказывают ценности коллективизма и неформальных связей, доминирующие над стремлением придерживаться буквы закона при отсутствии достаточной нормативно-правовой базы, прочно вошедшей в политическую культуру Китая. Ориентация на стабильное развитие государства допускает возможности реформирования только в рамках сложившейся политической системы. Осознавая весь этот комплекс ограничений, политическое руководство Китая никогда не ставило своей целью слепое копирование западного опыта и заявляло о наличии собственного пути развития.

Как уже упоминалось, основной стратегией китайского руководства при реализации административных преобразований явилась стратегия градуализма, которая предусматривает постепенное внедрение инноваций, локальное экспериментирование, учет национальных особенностей. Так, в связи с ограниченным применением в центральном Китае механизмов бюджетирования, ориентированного на результат (БОР), некоторые передовые регионы Китая (Гуаньдун, Шэньчжэнь, Хэбэй и др.) еще с 2003-2005 гг. собственными силами начали претворение в жизнь основных принципов этой системы [32].

Другой эксперимент является действительно уникальным, поскольку представляет собой очевидное доказательство наличия и нисходящей политической ответственности, и демократии по западным меркам, пусть даже на локальном уровне. В 2008-2009 годах в городах Вэнлин и Цзегоу провинций Чжэцзян и Сычуань соответственно проект бюджета принимался на основе так называемого «совещательного опроса», который предполагал консультацию населения с экспертами и последующее голосование по проекту бюджета [25; 27]. В итоге была реализована форма прямой демократии и решена проблема неинформированных избирателей. Это показывает, что правительство при отсутствии конкуренции и институтов представительной демократии западного толка может адаптировать две фундаментальные демократические ценности – политическое равенство и демократическое обсуждение.

В итоге констатируем: в Китае преобладают ценности эгалитаризма и коллективизма, существует «иное» гражданское общество, находящееся под контролем партии-государства, бюрократического аппарата с признаками патриониализма, развита экономика квазирыночного характера с преобладающей долей государственного сектора. Все это позволяет говорить о невозможности имплементации в «чистом виде» инструментов NPM в институциональную среду современного Китая. Тем не менее опыт последнего в области ценностной ориентации преобразований, экспериментальной апробации административных реформ, адаптации побочных эффектов в свою пользу может быть применен как в России, так и других государствах.

Список литературы

1. *1995 ниан гуотси гайгэ* (Реформа государственных предприятий 1995 года) [Электронный ресурс]. URL: http://www.china.com.cn/news/zhuanti/zgzt/2008-12/17/content_16961083.htm (дата обращения: 27.02.2013).

2. *2008 ниан* гуоююан цзигуо гайгэ (Реформа Государственного совета 2008 года) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/test/2009-01/16/content_1207014.htm (дата обращения: 14.09.2013).
3. *Ганишин В.Г.* Китай и его соседи: на пути к гражданскому обществу. М., 2004.
4. *Главы* китайских госпредприятий выступили за расширение госсектора [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/economics/09/11/2012/824279.shtml> (дата обращения: 27.02.2013).
5. *Гуоюю* гуоююан цзигуо гайгэ хэ чжинан чжуанбиэн фанан дэ шуомин (Проект реформы Государственного совета) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/2013lh/content_2350848.htm (дата обращения: 22.10.2013).
6. *Дингуй Х.* Китай: подходы и особенности экономических преобразований [Электронный ресурс] // Проблемы теории и практики управления. 2000. № 6. URL: http://uptp.ru/content/Disp_Art.php?Num=513 (дата обращения: 27.02.2013).
7. *Институциональный* анализ китайской модели: теоретическая дискуссия и прогноз: материалы круглого стола. Москва, ИЭ РАН, 16 апр. 2009 г. / под ред. С.Г. Кирдиной, Л.И. Кондрашовой // Вестн. науч. информации. 2010. № 3.
8. *Конституция* КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (дата обращения: 12.08.2013).
9. *Красильников Д.Г., Троицкая Е.А.* Практика использования основных инструментов NPM в Пермском крае // Вопросы гос. и муницип. управления. 2011. № 1. С. 157-166.
10. *Мин В.* Чжунгуо шэтуань гайгэ (Реформа китайского общества). Пекин, 2001.
11. *Ниан* шэхуи фу у фачжан тонцзи гонбао 2012 (Стат. бюл. развития соц. услуг в 2012 году) [Электронный ресурс]. URL: <http://cws.mca.gov.cn/article/tjbg/201306/20130600474746.shtml> (дата обращения: 22.08.2013).
12. *О компаниях* [Электронный ресурс]: закон КНР от 29 дек. 1993 г. URL: http://chinalawinfo.ru/economic_law/law_company (дата обращения: 27.02.2013).
13. *Рейтинг* стран мира по уровню восприятия коррупции [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info> (дата обращения: 01.09.2013).
14. *Си Цзинпинь:* чэнтсиан тсихоу цзиван кайлай цзисю чаочжо чжонхуа минцзу вэйда фусин мубьяо фэньон тсианцзин (Си Цзинпинь: прошлое, настоящее и будущее для великого возрождения китайской нации) [Электронный ресурс]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1129/c64094-19744088.html> (дата обращения: 18.08.2013).
15. *Сяопин Д.* Основные вопросы современного Китая. М., 1988.
16. *Фэн Ю.* Чжунго чжесюэ ши син биэн (Новая редакция китайской философии). Пекин, 1988.
17. *Чжунго* жэнминь чжэнчжи сиэшан хуии тсюангуо вэйюанхуи тиангонцзуо тьяоли (Положение о работе Народного политического консультатив-

- ного совета) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cppcc.gov.cn/2011/09/06/ART11315304517625103.shtml> (дата обращения: 21.02.2013).
18. *Чжунго жэнминь чжэнчжи сизшан хуи чжанчэн* (Устав НПКСК Китая) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cppcc.gov.cn/2011/09/14/ART11315980170869872.shtml> (дата обращения: 21.02.2013).
19. *Шмиттер Ф.* Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. 1996. № 5. С. 16-27.
20. *Шэхуи туанти дэнцизи гуанли тьяоли* (Правила регистрации общественных организаций) / *Чжонхуа жэнмин гонхэгуо минчжонбу* (Министерство гражд. администрации КНР) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinanpo.gov.cn/1202/16084/index.html> (дата обращения: 25.08.2013).
21. *China Focus: China Publishes First National Plan for Public Services* [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-07/19/c_131725435.htm (дата обращения: 08.09.2013).
22. *Chinese People's Political Consultative Conference. Feb 03, 2009* [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2010npc/2009-03/02/content_9449423.htm (дата обращения: 21.02.2013).
23. *Chinese People's Political Consultative Conference. Mar 02, 2008* [Электронный ресурс]. URL: <http://english.people.com.cn/90001/90776/90785/6364343.html> (дата обращения: 21.02.2013).
24. *Chou B.* Civil Service Reform in China, 1993-2011: A Case of Implementation Failure // *China: an International Journal*. 2004. № 2. P. 210-232.
25. *Deliberative Poliiing: China* [Электронный ресурс]. URL: <http://cdd.stanford.edu/polls/china/> (дата обращения: 02.09.2013).
26. *Dotson J.* The Confucian Revival in the Propaganda Narratives of the Chinese Government. U.S.-China Economic and Security Review Commission Staff Research. Jul 20, 2011.
27. *Fishkin J.S., He B., Luskin R.C., Siu A.* Deliberative Democracy in an Unlikely Place: Deliberative Polling in China [Электронный ресурс]. URL: <http://cdd.stanford.edu/research/papers/2010/fishkin-bjps-china.pdf> (дата обращения: 02.09.2013).
28. *Heilmann S., Kirchberger S.* The Chinese Nomenclatura in Transition // *China Analysis*. 2000. № 1. P. 2-13.
29. *Kusek J., Rist R.* Ten Steps to a Results-Based Monitoring and Evaluation System. The World Bank. Washington, 2004.
30. *Manion M.* The Cadre Management System, Post-Mao: The Appointment, Promotion, Transfer and Removal of Party and State Leaders // *The China Quarterly*. 1985. № 102. P. 203-233.
31. *New Rules for NGOs to Improve Operations* [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013-04/17/content_16413055.htm (дата обращения: 22.08.2013).
32. *Niu M., Ho A., Ma J.* Performance-Based Budgeting in China: A Case-Study of Guangdong // *The Role of Public Administration in Building a Harmonious Society*. Beijing, Dec 5-7, 2005. P. 2-23.
33. *The Civil Servant Law of the People's Republic of China. Apr 27, 2005* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asianlii.org/cn/legis/cen/laws/tcslotproc462/> (дата обращения: 18.08.2012).

34. *The Government Procurement Law of the People's Republic of China*. Jan 1, 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/english/laws/2005-10/08/content_75023.htm (дата обращения: 12.01.2013).

35. *Yew C.P.* The Chinese People's Political Consultative Conference: Co-opting Social and Political Forces in a One-party State [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eai.nus.edu.sg/BB602.pdf> (дата обращения: 21.02.2013).